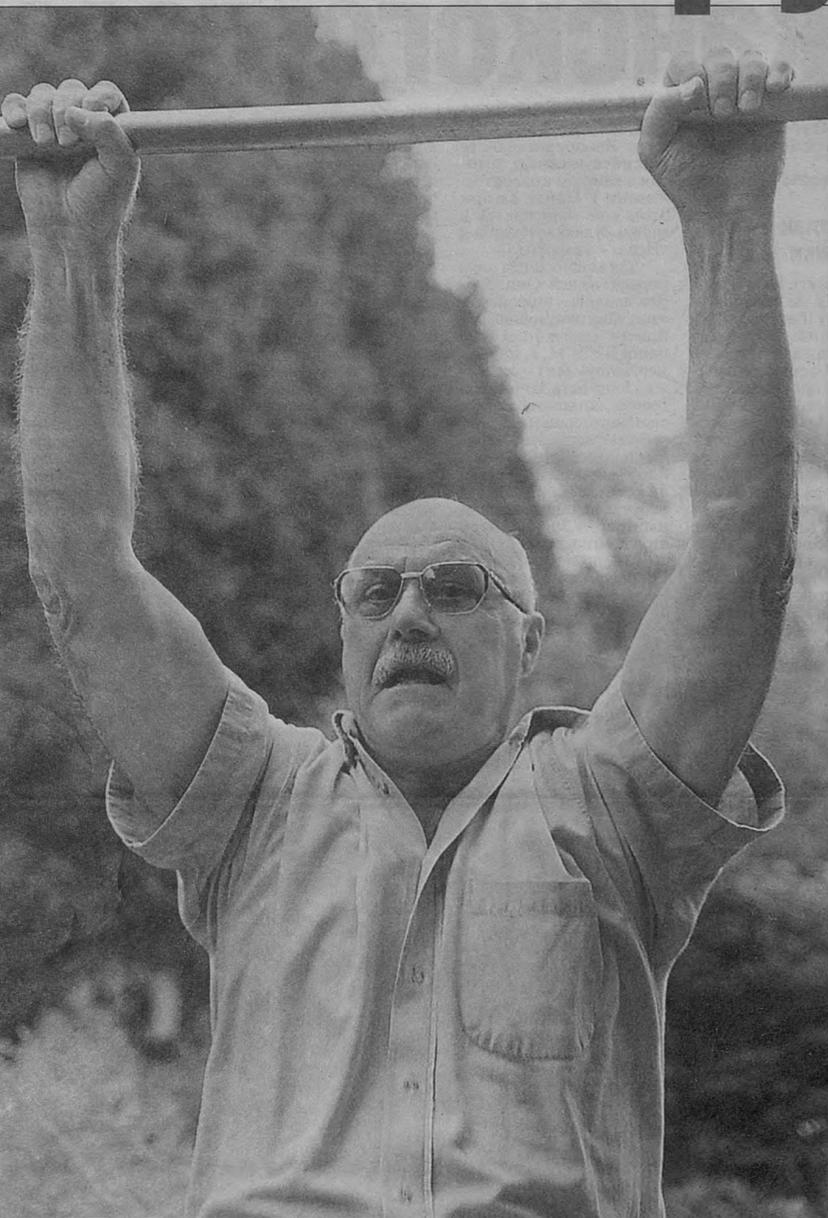

Станислав Говорухин:

Честно говоря, идти на интервью с Говорухиным я робел. Он так убедительно и властно расставляет акценты в своих публичных выступлениях, так громит аморальное телевидение и лживую прессу, так дружит с Розенбаумом... Но ведь это он снял «Десять негрятя» и «Благословите женщину», он написал «Вторжение», он сыграл судью в «Серых камнях» Муратовой — про классическое «Место встречи» с его сентиментальным, старомодным гуманизмом и не говорю... Не может быть, чтобы мне предстало нечто железобетонное. Он же добрый, этого не спрячешь.

По дороге на интервью (дело было на выборском кинофестивале «Окно в Европу») встретился мне главный питерский киновед Олег Ковалов. — Олег! — воззвал я с тоской. — О чем спросить Говорухина для начала? Я его боюсь! — А вы спросите его, — сказал Ковалов, — сам ли он бегаем в «Ассе»? Помните, есть такой длинный пробег одним планом. Выбежал из подъезда, потом — цок-цок-цок! — на пожарную лестницу и полз вверх, быстро, как машина. Ему ведь шестьдесят лет было почти. А как бежал и как полз! Я специально склейку искал — не нашел. Ну, я с этого и начал.

В пару сильноному годится только сильнее

мицна», к сценарию он не прикоснулся. Пришлось что-то доработать самим. Может быть, в результате получилось кино про то, как мужчинам негде быть мужчинами, время не дает им проявиться, и они идут в горы — тогда это многим было близко. А потом надо возвращаться в обычную жизнь, это всегда трагедия.

Злейший враг искусства — «щина»

— Замечаю у вас пристрастие к сильным сюжетам со всякими непредсказуемыми поворотами — может, так легче держать зрителя?

— Я люблю сюжетное кино, но не в этом дело. Меня всегда интересует прежде всего время, его воздух, запах — вот ради этого я снимаю. В лирические туманности верю мало. Мне очень трудно смотреть современное кино. Не хочу никого ругать, может, это и профессионально, и грамотно, — но «Гарпадум» я смотрел полгода. Посмотрю кусок — выключу, потом опять... Самый страшный враг искусства — «щина».

— Какая «щина»? — Тарковщина, мейерхольдовщина... Эпигонство. Блок записал однажды, что ненавидит мейерхольдовщину, а все самое лучшее — «питательное», как он выражался, — дал ему Художественный театр. С его честным реализмом. И «Розу и крест» он мечтал поставить именно там. Притом что Мейерхольд — его друг, первый режиссер, но эпигоны и подражатели страшно ему навредили. Сегодня — кино «щины». Человек снимает эпоху — и не чувствует ее совершенно, помнит только чужие штатмы и на них работает.

— Ну, это непрофессионализм элементарный. Школа ушла.

— Да не в профессионализме дело. Вот «Вторжение» — это был, наверное, лучший мой сценарий. Про 21 июня 1941 года, последний день перед войной. Герой на один день приехал в маленький город, завтра ему отбывать на Запад к месту службы. И любовь у него в этом городе. Никогда себе не прощу, что не стал снимать картину сам. Ее снял хороший, профессиональный режиссер — после, они очень не понравились художеству, потому что там с ними знакомились по текстам, а текст о песне никакого представления не дает. Когда ко мне пришла на картину совсем молодая Соня Губайдулина, про которую никто еще и знать не знал, что она великий авангардный композитор, — вот тогда эти песни заиграли, она сделала фантастическую оркестровку... «Вертикаль» — мой диплом. Я тогда представления не имел, что нельзя снимать картину по заведомо слабому сценарию. Чтобы как-то корректировать его по ходу дела, мы взяли с собой Владимира Максимова — тогда еще известного советского писателя, а впоследствии знаменитого диссидента, создателя и редактора журнала «Континент». Максимов на съемках почти сразу записал, в мои обязанности входило ежеутренне доставлять ему бутылку вина «Червона

Максимов сразу записал

— Сам, конечно, — ответил Говорухин. — А придумал это кто? Вы? — Насколько я помню, Соловьев. Я не возражал. В «Ассе» у меня все без дублера. Больше того — в «Вертикали» сам иногда снимался вместо актеров, на общих планах, где лица не видно. У меня был альпинистский опыт, а у них — нет. — Вы сейчас отмечали в Выбурге сорокалетие «Вертикали». Чем объясняется такой стойкий успех неприязнательной в общем картины? — Вот этого не понимаю категорически. Мне приходилось

слышать, будто весь фильм задумывался как способ легализации песен Высоцкого. Ничего подобного — Высоцкий был тогда уже достаточно известен и выступал. И песен сначала не предполагалось — он написал их после, они очень не понравились художеству, потому что там с ними знакомились по текстам, а текст о песне никакого представления не дает. Когда ко мне пришла на картину совсем молодая Соня Губайдулина, про которую никто еще и знать не знал, что она великий авангардный композитор, — вот тогда эти песни заиграли, она сделала фантастическую оркестровку... «Вертикаль» — мой диплом. Я тогда представления не имел, что нельзя снимать картину по заведомо слабому сценарию. Чтобы как-то корректировать его по ходу дела, мы взяли с собой Владимира Максимова — тогда еще известного советского писателя, а впоследствии знаменитого диссидента, создателя и редактора журнала «Континент». Максимов на съемках почти сразу записал, в мои обязанности входило ежеутренне доставлять ему бутылку вина «Червона

«Моя мать — портниха. Одна нас поднимала»

Шарапова лучше сыграл бы Филатов

— Кстати, кто придумал название «Место встречи изменить нельзя»?

— Не я. Я хотел назвать картину просто и страшно — «Черная кошка». Телевизионное начальство не захотело. А ведь это был уже полкартины отсняли, я вспомнил про Филатова. Они бы с Высоцким отлично работали — и это был бы тот Шарапов, которого я хотел с самого начала. Не уступающий Жеглову по силе, не пасующий перед ним. Сильному у парня годится только сильный. Собственно, по этому принципу я и стараюсь работать — мне не нужна слабая группа. Мне нужен

краской... Действительно, это был бы Шарапов под стать Жеглову, сам с некоторой прилаженностью и хитростью. А нужен был интеллигент. И только когда уже полкартины отсняли, я вспомнил про Филатова. Они бы с Высоцким отлично работали — и это был бы тот Шарапов, которого я хотел с самого начала. Не уступающий Жеглову по силе, не пасующий перед ним. Сильному у парня годится только сильный. Собственно, по этому принципу я и стараюсь работать — мне не нужна слабая группа. Мне нужен

— Я слышал легенду, будто вся пятая серия — нечеловечески напряженная сцена, где Шарапов в «малине» у Горбатого, снята за три, что ли, часа...

— Да нет, конечно. Это именно легенда, восемь дней она снималась. Думаю, за один день никто бы ее на таком уровне не отработал. Там ведь Бортник делает чудеса — я другого Промокашки не представлял с самого начала. Он так знает то время, и те дворы, и тот фольклор, что в образ попал идеально. И совершенное уже чудо совершила Заклунная. Та, подруга Горбатого, что у пианино сидит, клавиши перебирает.

— Ну, и Джигарханян был роскошен...

— Он-то да, а вот лоб некачественный, до сих пор переживаю. Видно, что накладной. И еще одно в этой картине меня смущает: конечно, Конкин сыграл хорошо, кто спорит, но я-то видел другого Шарапова. Я предполагал сначала позвать Губенку. И тут Высоцкий заспорил: куда, мы с ним будем мазать одной

человек, который будет со мной спорить и не даст мне впадать в восторг по поводу себя... — А что, соблазн есть? — Пока не было, потому что я человек сомневающийся. Где-то вычитал, что в этом вся и беда — умные всегда сомневаются, а решительные действуют дураки. По этому критерию я не совсем дурак, слава Богу. Но отлично знаю, что после шестидесяти многие режиссеры впадают в маразм — именно на почве самоуверения. Поэтому еще на «Ворошиловском стрелке» я всех пре-

«Лучшим, что есть в «Стрелке», фильм обязан группе» (на съемках с Ульяновым)

дупредил: никакого беспрекословного подчинения, максимум несогласий и колкостей. И действительно, лучшим, что есть в картине, она обязана группе. Иногда почти случайным людям, просто придумывавшим реплики. Вот когда Гармаш допрашивает там парня — именно следователь, консультировавший картину, подсказал лучшую реплику.

— «Ты у меня сейчас в убийстве принцессы Дианы признаешься»?

— Именно.

— И вы считаете, это хорошо?

— Это — точно. Они именно так говорят.

Действительно новым человеком во власти был только Горбачев

— Я не про то. Хорошо ли, что они так говорят? Хорош ли самосуд, которому вы там просто дифирамб спели?

— Да ничего подобного. Это же трагедия, что старик вынужден убивать. Ему другого не осталось ничего. Я вовсе не превозношу самосуд. «Стрелок» — это предупреждающий фильм, а не призывающий или обучающий. Он показывает, что, если и дальше все будет куплено, а закон будет погран, — кончится именно так. И страну потеряем.

— Ну и как, переменялось что-то?

— Наверное, но это происходит очень медленно и со скрипом. Главное же — все наследственные болезни власти нигде не деваются. Власть в России всегда более или менее одна и та же: она обожает подхалимаж. Часто действует без плана. Рубит сплеча. Не умеет и не любит окружать себя умными — посмотрите на окружение Путина, там нет ни одной личности. Я был в трех парламентах, но такого слабого, совершенно карманного, как сейчас, не припомню. И сколько бы хорошего ни пытался делать Путин — у него все те же родинные пятна. Я думаю, действительно новым человеком во власти был только Горбачев — ну, так он в этой власти и не удержался.

— Неужели он вам нравится?!

— Да. Очень.

— Но ведь не любимого вами Ельцина создал именно он!

— Ничего подобного. Он просто не мог его остановить. Как не мог остановить и многого другого — национальные конфликты на окраинах, например. Я ему недавно говорил: жестким было не пресечь самым лучшим образом тот же Карабах? Он посмотрел на меня в изумлении: «Вы же — интеллигентия — мне никогда бы этого не позволили!» И действительно, пойдя на это, он сразу утратил бы весь ресурс доверия. Его же как раз и любили за то, что он — не такой, не железобетонный!

Сегодня во ВГИК я бы не поступил — правила другие, люди. И Шукшин, думаю, не поступил бы. И Тарковский.

Но человеком во власти у нас быть по-прежнему нельзя.

— А разве не было у вас надежд в первые путинские годы?

— Я вообще осторожен насчет надежд. Они у меня были в восьмидесят седьмом году. И быстро кончились.

— По «Негрятям» видно.

— Главным образом видно по «Так жить нельзя». И не сказать чтобы сегодня мое мироощущение сильно изменилось. У меня нет уверенности в новом поколении. Выросли дебилы, которых человека убить — раз плюнуть. Что хотите делайте, но виноват телевизор.

— Но в ваших собственных фильмах полно жестокости...

— Где?! Жестокости там как раз нет, потому что я отчетливо чувствую грань, за которую кино не имеет права заходить. Есть вещи, которых кино не имеет права делать. Даже талантливое кино. Скажем, «Бумер», в котором режиссер, при всем своем таланте, откровенно любитесь насилем. Хотя формально и осуждает его. Границы же очень четкие: я люблю ранние картины Киры Муратовой, но то, что делала она в «Синдроме», меня резко отвращало. Нельзя показывать дрожащих и скулящих собак на живодерне. Нельзя! За гранью искусства это находится.

— А вы поспорил. Но в другой раз... А у Муратовой, кстати, вы сыграли лучшую свою роль — «Среди серых камней»...

— Предполагалось, что я буду играть совсем другую роль в другой картине. Печорина.

— Быть не может!

— Я сам так думал. Она собиралась снимать «Княжну Мэри». Очень тяжело переживала, что картину закрыли. Сначала я должен был играть пехотного капитана, потом она передумала и решила, что — Печорина. Я спрашиваю: как может он быть лысым?! А вот может. И что самое фантастическое, меня на эту роль утвердили. А не утвердили — Наталью Лебле, которую она обязательно хотела снимать в роли княжны. Этого, признаюсь, я и сам не понимаю — это хамдамовская актриса, она у нее потом замечательно сыграла в «Перемене участи», но какая из нее княжна Мэри? Типаж другой, возраст не тот... А Кира тог-

да уперлась — и потеряла постановку. Я уважаю принципиальность, но о той работе жалею.

— Интересно, а к Никите Михалкову вы как относитесь?

— Он сильный режиссер, особенно это касается фильмов конца семидесятых. Очень яркий актер — особенно в «Статском советнике», где во время его отсутствия на экране прет сплошная фальшь (как и в романе — я Акунина не люблю, он очень примитивен), а появляется Михалков — и сразу жизнь... Так что вот так и отношусь: сильный режиссер, яркий актер и... (произносит беззлобное соленое слово).

— Что вы собираетесь снимать?

— Собираюсь снимать фильм по давно любимому рассказу Станюковича — из той же серии: ах, как бы это сняты! «Пассажиры» — трагикомическая история о том, как на военный корабль берут женщину, ей надо попасть

в Петербург. И что начинается на этом корабле. Но снимать надо на Черном море, там дело происходит в тропиках, — а как пережить наш единственный действующий парусник «Седов» с Балтики? Большие деньги. Так что пока снимаю фильм подешевле — «Артистка», думаю, это будет лирическая комедия. Впервые в жизни.

— Я все хотел спросить: ведь почти ничего не известно о вашей семье. Об отце, например...

— Об отце мне и самому почти ничего не известно. Дома не было ни одной его фотографии. Он был лонской казак, впервые арестованный в двадцатых годах, а вторично — почти сразу после моего рождения. Мать — портниха. Нас с сестрой поднимала одна. Полдня. По первому образованию я геолог, потом случайно шел мимо ВГИКа, зашел и поступил. Сегодня во ВГИК я бы не поступил — правила другие, люди... И Шукшин, думаю, не поступил бы. И Тарковский. У человека с улицы сегодня нет шанса попасть в такой институт. Почему мы и не видим на экране правды об этой улице. А видим вторичные фантазии очень благополучных людей.

...А мать... она похожа, наверное, на мать из фильма «Благословите женщину».

— А в сегодняшней реальности видите вы таких людей? Вроде этих ваших женщин — которые всё на себе вытаскивали и не исподличались, не сплюсались, не загордились?

— Нет.

■ Дмитрий Быков.

С сильной женщиной — женой Галиной

подписка-2007
Готовимся к новому году
Заканчивается лето, а вместе с ним уходят и летние радости — отпуск, море, тепло и солнце. Но это еще не повод грустить! Надо постараться отыскать что-то светлое и в настоящем дне. Например, подарить себе или своим близким на Новый год. Наверняка каждому из вас хочется, чтобы все хорошее повторилось и в новом году. Чтобы рядом были близкие и родные люди, продолжала радовать любимая работа, верные друзья не оставили и чтобы свободное время по традиции можно было провести за чтением любимой газеты «Собеседник»... Правда?
А вот об исполнении этого желания необходимо позаботиться уже сегодня.
С 1 сентября во всех отделениях почтовой связи России вы можете оформить подписку на газету «Собеседник» с 1 января 2007 года и — на любой период. Подписка принимается по каталогам:
«Пресса России» (индексы 50164, 32705, 32706, 32707)
«Почта России» (индекс 99596)
Вы можете получить скидку, если:
● являетесь нашим постоянным подписчиком или оформляете подписку сразу на полгода/год;
● оформляете подписку на «Собеседник» для библиотеки;
● получаете «Собеседник» на почте.
Итак, на почту, дорогие друзья! Согласитесь, что не так уж много нужно потратить сил и времени, чтобы продлить удовольствие общения с любимым «Собеседником». Желам удачи!
По вопросам оформления подписки звоните (495) 685-76-45 или пишите podp@sobesednik.ru